

«Больше, чем расстрелять, со мной ничего сделать не могут...»: подданные Германии на Кизеловском показательном процессе 1937 г.

Аннотация. Статья посвящена специалистам, приехавшим из Германии для работы на предприятиях советской угольной промышленности, которые впоследствии стали участниками одного из громких показательных процессов на Урале – Кизеловского показательного процесса 1937 г. На основе источников автор реконструирует организацию и проведение показательного процесса от ареста до приговора. Реконструируются сценарий и методы воздействия в ходе следствия, методы «подготовки» обвиняемых к выступлениям в суде, а также дальнейшая судьба германских подданных после репатриации. В исследовании автор опирается на общенаучные и специально-исторические методы, среди которых особое место занял анализ исторических источников. Научная новизна исследования, во-первых, заключается в том, что введены в научный оборот новые, ранее не публиковавшиеся источники архивно-следственных дел Пермского государственного архива новейшей истории и Политического архива министерства иностранных дел Германии. Во-вторых, научная новизна состоит в том, что на примере Кизеловского показательного процесса выявлены механизмы подготовки и проведения региональных показательных процессов. В результате исследования автор приходит к выводу, что показательные процессы не только демонстрировали общественности наличие реальных врагов, но и давали возможность инициаторам и организаторам подобных процессов быстро подняться по карьерной лестнице.

Ключевые слова: Прикамье, «немецкая» операция, Большой террор, сталинизм, показательные процессы, национальные операции, массовые операции, политические репрессии, Урал, репатриация.

Abstract. The article focuses on the specialists from Germany that came to work in Soviet coal industry enterprises and who later became participants in one of the most well-known show trials in the Urals – the Kizel show trial of 1937. On the basis of original sources, the author reconstructs the organization and operation of the show trial from the arrest to sentencing. The author also reconstructs the scenarios and methods of influence during the course of the investigations, methods of “preparing” the accused for their appearance before the court, as well as the consequent fate of the German nationals after their repatriation. The author based his research on general scientific and specific-historical methods, among which the analysis of historical sources takes a predominant place. The scientific novelty of the article consists of, in the first place, the introduction of new unpublished sources of the archival-investigation cases from the Perm State Archive of Modern History and Politechnic Archive of Germany’s Ministry of Foreign Affairs. Secondly, the article’s scientific novelty lies in its contribution of elucidating through the example of the Kizel show trial the mechanisms of preparing and conducting regional show trials. As a result of this examination the author comes to the conclusion that the show trials not only aimed to show society the existence of factual enemies, but also gave an opportunity to the initiators and organizers of such trials to quickly rise up the career ladder.

Key words: Prikamye, “German” operation, Great Purge, Stalinism, show trials, national operations, mass operations, political repressions, Ural, repatriation.

Данное исследование проведено при поддержке Германской службы международных обменов совместно с Министерством образования и науки Российской Федерации. Автор благодарит за помощь и поддержку в осуществлении проекта профессора Рурского университета Штефана Плаггенборга. Особую благодарность за помощь в поиске архивных материалов, за ценные советы автор выражает доктору Вильгельму Менсингу, автору книги «Из Рура в Гулаг».

В истории политических репрессий, несмотря на неослабевающий интерес исследователей, остается немало лакун. В частности, малоисследованной остается история региональных показательных процессов 1930-х гг. Показательные процессы в регионах в 1937 г. были не редкостью и являлись частью массовых операций 1937-1938 гг. 3 августа 1937 г. ЦК ВКП(б) издает директиву об организации показательных судебных процессов: «ЦК ВКП(б) обязывает обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий организовать в каждой области по районам 2-3 открытых показательных процесса над врагами народа – вредителями сельского хозяйства, пробравшимися в районные партийные, советские и земельные органы <...>, широко осветив ход судебных процессов в местной печати» [21, с. 394]. Характеризуя показательные процессы районного масштаба, Ш. Фицпатрик отмечает, что обвинения в шпионаже или связях с троцкистами и прочими оппозиционерами фигурировали на районных процессах редко. По образцу московских процессов обвиняемых вынуждали признать свою вину, но на суде они отказывались от показаний, пытаясь защититься [23]. Подобную характеристику региональных процессов мы видим у Р. Маннинг: самым популярным обвинением на показательных процессах было участие в подпольных вредительских организациях. Несколько человек было даже осуждено за шпионаж в пользу так называемых «иностранцев сил», как например, на процессе в Северном районе Новосибирской области [21, с. 53]. И действительно, обвинения во вредительстве в сельском хозяйстве, злоупотреблениях партийных и советских органов становятся основой многих показательных процессов регионального или районного масштаба [10, с. 98-103].

Основными источниками при реконструкции Кизеловского показательного процесса в данном исследовании стали материалы немецких и российских архивов. Прежде всего, это материалы архивно-следственных дел Пермского государственного архива новейшей истории (ПермГАНИ) – постановления об избрании меры пресечения, справка на арест, протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, материалы судебного заседания, обвинительные заключения, приговоры, а также документы, характеризующие работу осведомителей и документы личного происхождения – письма, записки и пр.

Важнейшими источниками стали также и протоколы допросов подданных Германии, репатриированных из СССР, проводимых полицией безопасности Люблина. Эти документы находятся на хранении в Политическом архиве министерства иностранных дел Германии – Politisches Archiv Auswärtiges Amt (РААА) – в Берлине. Вместе с тем, в работе были использованы и материалы периодической печати Германии начала 1930-х гг. – местных газет, в которых публиковались объявления о вербовке горняков Рурского региона в Россию [См., например, газету «Essener Einzeiger», публиковавшуюся в г. Эссен].

* * *

Прикамье в 1937 г. стало площадкой для проведения нескольких показательных процессов. Один из них полностью подпадает под вышеописанные – это открытый судебный процесс в г. Кудымкар Коми-Пермяцкого округа Свердловской области, на котором обвиняемыми стали 5 человек: секретарь окружкома ВКП(б), заведующий окружным земельным управлением, заместитель директора МТС и председатель колхоза [3, с. 174-184]. Этот процесс был проведен в полном соответствии с вышеупомянутой директивой ЦК ВКП(б). Еще один показательный процесс по осуждению вредителей, правда, в сфере животноводства был разрешен Политбюро ЦК ВКП(б) в г. Березники [21, с. 498].

Открытые судебные процессы в сфере промышленного производства требовали более тщательной подготовки и обязательных разрешения директив «сверху». Безусловно, первым «пробным шаром» в подготовке и проведении показательных процессов стало знаменитое «Шахтинское дело» 1928 г., ставшее образцом последующих столичных открытых судов [Шахтинское дело (Шахтинский процесс) является объектом пристального внимания историков: См., например: 17, 18]. В отечественной историографии наиболее известным является Кемеровский процесс, состоявшийся в ноябре 1936 г. в Новосибирске. Перед судом предстали 8 обвиняемых инженерно-технических работников угольной промышленности Кузбасса, в т.ч. один гражданин Германии. Исследовательница Ю. Ландау отмечает, что локальность региональных процессов выходила далеко за рамки их «локальности», имела большое значение для внутренней и внешней политики [25, с. 323]. И это действительно так: фигура Эмиля Шти-

клинга, немецкого инженера, (в рамках показательного процесса – «шпиона Гестапо») была использована дважды: сначала в Новосибирске, а потом в Москве – в январском процессе 1937 г. по «делу троцкистского центра». Как отмечает С.А. Папков, кемеровский процесс позволил решить три важные политические задачи: «во-первых, судебной процедурой он подтвердил <...> миф о существовании в стране широко разветвленной тайной троцкистской организации <...>; во-вторых, он впервые представил общественному мнению образ троцкистов как людей, состоящих на службе враждебных иностранных разведок и действующих против национальных интересов; в-третьих, из уст самих обвиняемых общество получило конкретные «доказательства» того, что троцкисты из идейного течения окончательно превратились в террористическую организацию <...>» [11, с. 183].

Казалось, еще в одном региональном показательном процессе с участием иностранных граждан, власть не нуждалась: отстремели два Московских процесса; НКВД приступил к реализации приказов по массовым операциям: «кулацкой», по ликвидации «инобазы». Как полагаем, очевидной необходимости в проведении нового процесса не было. Вероятно, в Прикамье «сработали» локальные внутриноменклатурные механизмы аппарата УНКВД. Инициатива проведения открытого суда над «диверсантами» и «шпионами» в г. Кизеле исходила от руководства Свердловского УНКВД, а точнее, от Д.А. Шахова – оперуполномоченного СПО УГБ УНКВД Свердловской области, претендовавшего на должность начальника Кизеловского НКВД. Как пояснял в своем рапорте особоуполномоченному УНКВД по Свердловской области младший лейтенант госбезопасности Головкин, «Шахов просил УНКВД, чтобы разрешили провести показательный процесс. Свердловск и Москва на это согласились, в Кизел приехал Ерман, Годенко и Белов, которые вместе с Шаховым этот процесс готовили» [19, л. 499-501]. Действительно, именно с приездом «бригады» Ермана в Кизел началась подготовка открытого судебного процесса, а решение о его проведении принималось на самом высоком уровне: 7 января 1938 г. было получено разрешение Политбюро ЦК ВКП(б) [8, с. 460].

Перед судом предстали 10 инженерно-технических работников руководящего звена – *Ершов* (Кречет) Илья Степанович, управляющий трестом «Кизелуголь»; *Демнев* Александр Алек-

сеевич, главный механик треста «Кизелуголь»; *Смирнов* Сергей Николаевич, начальник отдела капитального строительства треста «Кизелуголь»; *Михалев* Владимир Михайлович, заведующий вентиляцией шахты №4; *Демидов* Александр Семенович, инженер бригады; *Остапенко* Борис Евгеньевич, десятник шахты им. Калинина; *Ракитин* Иван Васильевич, десятник шахты им. Володарского; *Гасман* Георгий Эрнестович, немец, гражданин Германии, главный инженер шахты №6; *Винтер* Франц, подданный Германии, бывший заведующий вентиляцией шахты им. Володарского, *Балтес* Фриц, подданный Германии, десятник шахты им. Калинина. Все обвиняемые признали себя виновными в принадлежности к контрреволюционной диверсионно-вредительской шпионской организации. Центральной фигурой на процессе стал Илья Семенович Ершов (Кречет), управляющий трестом «Кизелуголь», бывший чекист, который входил в ближайшее окружение секретаря Свердловского обкома И.Д. Кабакова [4, с.72-93]. Тем не менее, «козырной картой», разыгранной в ходе процесса, стали два гражданина Германии, что для показательного процесса регионального масштаба было довольно редким явлением.

В сентябре 1937 года в Кизел приезжает Д.А. Шахов, работавший длительное время в бригаде начальника 3 отделения УНКВД по Свердловской области Н.Я. Боярского. Эта бригада была легендарной в своем роде, среди сотрудников НКВД о ней говорили с завистью и восторгом: «что она, будучи вначале в Кудымкаре, а затем – в Нижнем Тагиле имела исключительные успехи в следственной работе» [13, л. 433]. После ареста прежнего начальника Кизеловского городского отдела НКВД Файнберга в конце октября 1937 г. на его должность был назначен Шахов, а в декабре 1937 г. приезжает «подкрепление» – бригада из работников УНКВД Свердловской области в составе Ермана и Годенко. Бывший сотрудник Кизеловского горотдела НКВД П.А. Поталов сообщал: «Практически извращения в следствии в Кизеловском районе приняли широкий размах при Шахове, с момента приезда в Кизел следственной бригады под руководством Ермана, помощника начальника 3 отделения УНКВД по Свердловской области» [13, л. 433]. Д.А. Шахову были даны чрезвычайные полномочия: если ранее арестованных по «инобазе» направляли в т.н. следственный участок в г. Нижний Тагил, то Шахов получил разрешение от начальника Свердлов-

ского УНКВД Дмитриева проводить следственные действия силами горотдела.

Кизеловский район был важным центром добычи угля на Урале: «Кизелуголь» в начале 1920-х гг. был признан трестом союзного значения наряду с Кузнецким и Донецким. Ясно, что на предприятиях угольной промышленности часто происходили аварии, загорания, взрывы. Незадолго до приезда бригады Ермана – Гюденко случилось загорание в шахте № 4, на третьем участке. По данному факту было арестовано, как сообщал бывший сотрудник НКВД П.А. Потапов, несколько человек, которые сознались в поджоге шахты [13, л.433], допросы велись Шаховым. Будучи начальником Кизеловского горотдела НКВД Шахов часто разговаривал по телефону с Дмитриевым и Дашевским [Дмитриев (Плоткин) Дмитрий Матвеевич, начальник управления НКВД по Свердловской области; Дашевский Яков Шахович, начальник оперативного отдела и помощник начальника управления УНКВД по Свердловской области], и эти разговоры не были приятными, поскольку начальство было явно недовольно низким количеством арестов. Тогда, вероятно, и зародилась мысль об организации крупного показательного процесса в Кизеле. С приездом бригады Ермана было проведено оперативное совещание, где Ерман заявил, что он на основании полномочий начальника управления Дмитриева возглавляет проведение массовых операций в Кизеловском районе. О сущности операций Ерман сообщил, что они являются продолжением следствия по делу арестованных по загоранию в шахте, т.к. в этом установлено наличие немецкой линии. Далее Ерман и Шахов создают две бригады: *следственную*, под руководством Гюденко и группу по *техническому оформлению* дел. Показательный процесс должен был стать красивой и безоговорочной победой над врагом. В январе 1938 г. Шахов отрапортовал начальству: «В декабре 1937 года и январе 1938 года Кизеловским горотделом НКВД арестовано 1009 человек. Как установлено следствием, все они являются участниками контрреволюционной шпионской диверсионной организации, действовавшей в Кизеловском угольном бассейне, созданной агентурой германской разведки под руководством Винтера Ф.П.» [6, л. 8].

Особая роль на процессе отводилась «немецким шпионам», прибывшим работать в угольной промышленности Урала из Рурского угольного бассейна Германии.

Фриц Балтес. *Фриц Балтес родился 2 ноября 1900 года в г. Фридрихсталь, Германия. После обучения в школе работал на шахте «Блюменталь» в г. Реклингхаузене. С апреля по сентябрь 1920 г. проходил добровольную службу в гусарском полку в Гофсгаймаре (Эссен), а затем вновь вернулся на работу в шахту. Как он сообщал в протоколе допроса, «с мая 1930 до моего отъезда в Советский Союз в 1931 г. я был безработным. Вследствие безработицы я решил на заключение договора в русском торговом представительстве в Берлине для работы в Советском Союзе» [28]. В начале 1930-х гг. газеты Эссена пестрили объявлениями с приглашениями работать в СССР, в тресте «Союзуголь»: рабочим сулили баснословную заработную плату и прочие блага [24], поэтому многие горняки в условиях безработицы заключали договоры и отправлялись на заработки в Советский Союз. 25 ноября 1931 г. Балтес отправился из Берлина в сибирский город Анжеро-Судженск, где проработал забойщиком 4 месяца. Далее он переехал в Кизел, где устроился работать забойщиком на шахту им. Калинина, а с 1935 по начало 1937 г. работал формовщиком на металлофабрике в Надеждинске. В январе 1937 он вновь возвратился на шахту им. Калинина, правда, уже на руководящую должность – в качестве десятника. Так его трудовой путь представлен в протоколе допроса от 21 мая 1940 г., проведенном командиром полиции безопасности дистрикта Люблин. По поводу его внезапного отъезда в Надеждинск сотрудники НКВД имели совершенно другое мнение: «Будучи антикоммунистически настроенным Балтес на производстве систематически делал прогулы, за что неоднократно ему накладывали дисциплинарные взыскания – выговор и увольнения с работы, как дезорганизатора трудовой дисциплины. Вследствие этого Балтес длительное время в Кизеловском районе не работал в возвратился только в 1937 году» [7, л.35].*

Ф. Балтес как иноподданный постоянно находился под прицелом НКВД, к нему была представлена целая группа осведомителей. Меморандум, составленный по материалам Кизеловского горотдела НКВД по Свердловской области 16 августа 1937 года на Балтес Фрица (за два месяца до ареста) содержит следующую информацию: «в 1935 году разрабатывался по агентурному делу «Дезорганизаторы», как подозреваемый в фашистской контрреволюционной агитации, <...> систематически высказывал контрреволюционную фашистскую агитацию, направленную на дискредитацию Советского государства и ВКП(б), идеализируя Германский фашизм» [7, л.35]. Со слов осведомителей, разговаривая об условиях жизни в СССР, Балтес заявлял: «Я не ду-

мал, что здесь в России так плохо, если бы знал, что здесь такой голод, я бы не поехал из Германии, лежал бы дома безработным, курил бы трубку, но все-таки жил бы во много раз лучше, чем здесь. У нас никогда еще не жили голодом и не умирали голодной смертью как здесь. <...> Рабочий в Германии зарабатывает 8 марок в день, на что он может купить: 500 гр. масла, белой муки 3 кг, мяса килограмм, сахару 500 гр., колбасы полкилограмма, на все израсходует только 2-3 марки, а рабочий в СССР на дневной заработок может купить несколько килограмм черного хлеба для того, чтобы просуществовать, и больше ничего. Германский рабочий живет культурнее и сытее, а советский рабочий голодает» [7, л.35].

15 октября 1937 г. Балтес был арестован. Первый допрос, проведенный следователем Близняком, состоялся уже на следующий день – 16 октября 1937 г. Этот протокол допроса кажется вполне правдоподобным и «нейтральным»: Балтеса спрашивали, как, где и при каких обстоятельствах он пересек границу СССР, как оформлял документы на выезд, кто давал ему рекомендации от КПП, расспрашивали о знакомых в Германии и в СССР. Однако требовались совсем иные показания. Следователя Близняка Балтес запомнил на всю жизнь: в показаниях, данных по возвращении в Германию, отмечал, что «во время допросов <...> многократно избивался следователем Близняком кулаком в лицо» [28].

Франц Винтер. *Франц Винтер (до 1928 г. Вишневский) родился 1 сентября 1901 г. в Тиргарте, Германия. После учебы в школе продолжил образование в техникуме. С 1918 по 1920 гг. служил на границе Восточной Пруссии, после чего работал на разных шахтах, в т.ч. До 1930 г. на шахте «Кронпринц» г. Эссен-Мюльгейм. В протоколе допроса полицией безопасности дистрикта Люблин Винтер сообщал: «Так как в Германии я не мог получить места десятника, и предстояло закрытие шахты «Кронпринц», я решил в январе 1930 на подписание договора с Советском Союзом в торговом представительстве в Берлине» [30]. Он также как и Балтес прочел объявление в газете и решил ехать на заработки в СССР. Винтер сразу же уехал в Кизел, где работал сначала техническим инспектором, а потом заведующим вентиляцией шахты Володарского. За это время он трижды ездил в Германию, чем не мог не навлечь на себя подозрений, тем более что после одного из таких отъездов он вернулся в СССР по фальшивому паспорту: «никакой подделки документов я не сделал, а взял паспорт у одного человека, фамилию которого я не знаю, и к нему*

приклеил свой паспорт [вероятно, здесь ошибка: имеется в виду фотография – прим. А.К.] и выехал в СССР» [14, л. 95-104]. Вскоре Винтер потерял место заведующего вентиляцией шахты им. Володарского, вероятно, по причине отсутствия советского гражданства, подал документы для оформления вида на жительство, но в Кизеле найти работу так и не смог. После обращения в Москву – в трест «Союзуголь» – Винтер был направлен на работу в г. Калинин, сменным техником шахты № 2 треста «Кировуголь», где и был арестован НКВД 15 сентября 1937 г.

10 ноября Винтера перевели в Кизеловскую тюрьму «согласно письма Кизеловского Гор. отдела УГБ УНКВД по Свердловской области <...> о направлении арестованного Винтер Ф.П. в их распоряжение». Винтер был затребован Шаховым из Калинина для участия в показательном процессе. Калининский чекист по фамилии Кагнер, как и Кизеловский Близняк, при допросах не отличался особым тактом: «Во время моих допросов в Калинин я был подвергнут жесточайшим истязаниям со стороны еврейского следователя. При этом у меня было выбито восемь зубов. Из-за ударов в левое ухо у меня разорвалась барабанная перепонка, так что я сегодня на это ухо больше не слышу» [30].

Подготовка процесса. Следователи Шахов, Годенко и Ерман были куда как более опытны и мер физического воздействия не применяли. Они обратились к проверенному, давно использовавшемуся методу – участию в работе внутрикамерных агентов – «наседок». Как отмечает Тепляков, даже начальники отделений основных оперативных отделов имели своих внутрикамерных агентов и с их помощью успешно фабриковали многочисленные дела. Часть таких агентов не являлась арестованными, хотя фактически отбывала заключение, причём в суровых условиях, находясь в переполненных камерах и неустанно агитируя подследственных [20, с. 295].

Для того чтобы «освещать поведение и настроение арестованных», шедших на Кизеловский открытый судебный процесс, в камеры к обвиняемым были «подсажены» три агентурных осведомителя: Портон, он же агент «Уральский», агент «Громов» и Васильев. Портон был подсажен в камеру к обвиняемым Деменеву и Гасману, а Громов – к Балтесу и Смирнову.

Как показывал в своих показаниях Г.М. Портон, официально он не арестовывался, как негласный сотрудник Кизеловского горотдела

НКВД находился в камере с арестованными в то время Деменевым – б/управляющим трестом Кизелуголь и Гасманом – главным инженером Шахтстроя. Перед внутрикамерным агентом были поставлены следующие задачи:

«1. Интересоваться настроением и поведением этих заключенных в камере.

2. Их общением с другими заключенными, проходящими по их делу.

3. Вести разговоры между <n>ими о том, что данные ими показания на следствии они полностью подтвердили на предстоящем над ними судебном процессе.

4. В случае их колебания, уговаривать в необходимости подтверждения своих показаний на суде и отвлекать их внимание веселыми разговорами и игрой в шахматы, в домино и т.д.

5. Обо всем докладывать Ерману и Годенко» [15, л. 496-498].

Почти все обвиняемые находились в полной уверенности, что после процесса их выпустят на свободу. Следователь Годенко заходил в камеру и спрашивал Деменева и Гасмана, куда они желают поехать после процесса на работу, и как они думают поступить со своими семьями, т.е. возьмут ли их сразу с собой или же пока оставят на месте. В камере они часто обсуждали вопрос, где им после процесса лучше работать. Это убеждение подкреплялось и «наседкой»: Портон уверял, что в Свердловске по такому же процессу люди были осуждены всего на 2-3 года, называя никому неизвестные фамилии.

«Чтобы они чувствовали себя более бодро, им создавались камерные условия». Известно, что условия содержания заключенных в камерах были таковы, что сами следователи называли их бесчеловечными – болезни, антисанитария, отвратительная пища. Как рассказывал на допросе член следственной бригады Г.В. Марфин, проводивший массовые операции, «все арестованные были свезены в Кизел и посажены в механическом цеху законсервированной обогатительной фабрики. Условий для содержания арестованных никаких не было, люди лежали на полу, даже не было проходов, теснота жуткая, прогулок не было» [1, с. 47]. «Человечность» и «забота» следователей НКВД в отношении обвиняемых, «выставленных» на показательный процесс, была поистине впечатляющей. Камера, в которой находились обвиняемые Деменев и Гасман, скорее напоминала хороший советский курорт: «камера была на три человека, кубатурой 35-40 метров, теплая и чистая» [15, л. 496-498].

У каждого имелась койка с постельными принадлежностями. Пол в камере мыли заключенные женщины, а обед разносили сотрудники буфета. Пища усиленная – хороший мясной суп, мясные котлеты, белый хлеб, молоко. Выдавалась посуда и столовые приборы: тарелки, вилки, стаканы. В неограниченном количестве разрешались передачи, закупки продуктов, свидания с семьями. Были возможности и для проведения досуга: обвиняемые могли пользоваться домино, шахматами и даже игральными картами.

В камере №6, где содержались Балтес и Смирнов, также были созданы «особые условия»: у всех имелись постельные принадлежности и кровати, обеды, состоявшие из двух блюд, а во время процесса давали молоко. Как рассказывал в своих показаниях сокамерник Балтеса и Смирнова Рачев, «один раз даже всю камеру возили в баню, где нас угощали ситро» [16, л. 502-507].

Ф. Винтер тоже находился на «особом положении». В письме своему приятелю, заключенному П. Рейзе он писал: «Я сейчас живу хорошо: к обеду котлеты, имеется масло, колбаса, сыр, сахар, белый хлеб, табак, папиросы и мягкая кровать для сна» [5, л. 7].

Кроме особых условий содержания следователи проявляли беспрецедентную щедрость и заботу об обвиняемых и членах их семей. Свидетель Рачев, содержащийся в камере вместе со Смирновым и Балтесом сообщал: «Смирнов мне рассказывал, что следователь Белов обещал ему устроить его на работу в другую шахту, если процесс пройдет хорошо и он будет все подтверждать. О том, что следователь Белов говорит правду и держит слово Смирнов был уверен потому, что на свидании с ним мать сказала ему о своем лечении, которое организовали ей Годенко и Белов» [16, л. 502-507]. А Винтер каждый день ходил в больницу, где ему делали протезирование зубов, выбитых при первых допросах в Калинин [5, л. 7]. Перед процессом Ф. Балтесу следователь Годенко купил костюм, сорочку и, как выразился следователь, допрашивавший Шахова в 1940 г., «такую ненужную принадлежность туалета, как галстук» [2, л. 413-414]. На вопрос Балтеса, как же он будет расплачиваться за костюм, следователь Годенко ответил, что эту сумму удержат из зарплаты Балтеса, когда он будет работать. Винтеру также был куплен костюм за 800 рублей.

7 января 1938 г. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «Об организации показательного процесса в г. Кизеле» Свердловскому УНКВД

было разрешено провести открытый показательный процесс «над диверсантами, орудовавшими в Кизеловском угольном бассейне» [8, с.460].

Репетиции выступлений. Перед процессом обвиняемые составили конспекты речей для процесса и отдали на корректировку следователям. Приблизительно за месяц до процесса начались репетиции выступлений обвиняемых: каждого учили, как они должны выступать в суде: все показания, последнее слово и т.д. Накануне окончания процесса в камеру заходил следователь Ерман и уговаривал, чтобы они не пугались речи прокурора, в которой он потребовал им высшей меры наказания. Казалось, что сами обвиняемые с удовольствием играли роли в этом чудовищном спектакле: «Когда Смирнов и Балтес приходили с процесса, то рассказывали, что, кажется, Михалев на процессе плохо себя держал, а они его уговаривали, что если он начал давать показания, то нужно держаться до конца. Чувствовали они себя хорошо. Говорили, что на процессе присутствовали Белов и Гюденко, что их угощали сидро и хорошими папиросами, что сами они подтверждали все то, что им говорил следователь» [16, л. 502-507]. Однако после заключительного слова прокурора стало понятно, что это вовсе не игра и не театральный спектакль. «Балтес говорил, что прокурор требует высшей меры наказания, и что заслужили, то и получат. Смирнов молчал. Всю ночь Смирнов не спал и курил, лежа в кровати» [16, л. 502-507]. Ф. Винтер, казалось, смирился и полагался на волю судьбы: «То, что я подписал на следствии, я буду полностью говорить перед судом, говорить неправду нет никакого смысла. Больше, чем расстрелять со мной ничего сделать не могут» [5, Л.7].

Приговор. 21 января 1938 г. Вышинский писал сообщение И.В. Сталину и В.М. Молотову: «<...> Прошу утвердить предложения:

1. Дело о шпионах и диверсантах, орудовавших в Кизеловском угольном бассейне, рассмотреть выездной сессией Военного трибунала Уральского военного округа в г. Кизеле с участием обвинения и защиты.

2. В отношении всех виновных в диверсионной деятельности и шпионаже применить расстрел.

3. О приговоре дать краткое сообщение в местной печати» [8, с. 465].

26 января судьба Винтера и Балтеса была решена постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) о мерах наказания обвиняемых на процессе в

г. Кизеле, текст постановления был полностью идентичен вышеупомянутой записке А.Я. Вышинского И.В. Сталину и В.М. Молотову [8, с.467].

И действительно, 16 февраля 1938 г. Винтер и Балтес были приговорены к расстрелу. В это время они находились в тюрьме для осужденных г. Свердловска, но с приведением приговора в исполнение сотрудники НКВД явно не торопились. Дело в том, что практика применения высшей меры наказания в отношении иностранных подданных была делом исключительным, и, как правило, необходимым было разрешение со стороны Наркомата иностранных дел. Подобного рода переписка опубликована, и встречается довольно часто [8, с. 161, 163, 164]. Упоминание о письме заместителя Литвинова по НКВД В.П. Потемкина от 21 февраля 1938 г., В.М. Молотову о возможности применения высшей меры наказания в отношении Ф. Балтеса и Ф. Винтера нашлось в статье Н. Охотина и А. Рогинского:

“По Вашему запросу от 20 сего февраля М-778 о возможности применения высшей меры наказания к германским гражданам Винтеру и Балтесу, осужденным к расстрелу Военным трибуналом Уральского округа, мнение НКВД сводится к следующему:

Учитывая, что до сих пор не было случая применения высшей меры наказания к германским гражданам, приговоренным к расстрелу нашими судами, и в предупреждение ответных репрессий в отношении наших собственных граждан, проживающих в Германии, НКВД полагал бы возможным заменить Винтеру и Балтесу высшую меру наказания 20-летним заключением» [9, с. 50].

Через неделю, 23 февраля, Винтеру и Балтесу было объявлено, что высшая мера наказания изменена, правда, на 25 лет исправительно-трудовых лагерей.

1 сентября этапом их отправили в распределительный лагерь г. Котласа, откуда они писали письма с просьбой о помощи в посольство Германии и посольство США. Перевод одного из писем опубликован [12, с. 328-329]. Поскольку оригиналы писем хранятся в архивно-следственном деле, до адресатов, естественно, они не дошли. Далее начались скитания Винтера и Балтеса по лагерям СССР. Как они позднее сообщали в протоколе допроса полиции безопасности Люблина, менее чем за год они успели побывать в исправительно-трудовых лагерях от Владивостока до Магадана.

Наконец, их этапировали в Москву, где 24 апреля 1940 г. в Бутырской тюрьме им сообще-

ли, что 25 летний срок заключения заменен на высылку за пределы СССР. 2 мая 1940 года Балтеса и Винтера вместе еще с 35 иностранцами привезли в г. Брест-Литовск, где немецкие пограничники перевели их через границу – по р. Висла – на территорию Германии. Теперь Винтер и Балтес оказались в тюрьме г. Люблина. Последовали новые допросы, теперь уже командиром полиции безопасности дистрикта Люблин. 20 мая 1940 г. был допрошен Винтер, а через день – Балтес. Как отмечает К. Тышлер, работа с репатриантами, высланными в конце 1930-х – начале 1940-х гг., предполагала их тщательный опрос согласно распоряжениям Гестапо от 22 июня 1937 г. и 5 августа 1939 г. Перечень вопросов, задаваемых репатриантам, включал в себя, кроме анкетных данных, вопросы, касающиеся их деятельности до выезда в СССР, большой комплекс вопросов, связанный с пребыванием в СССР и пр. При этом сотрудникам полиции предлагалось избегать схематизма и опираться при беседах на имеющиеся у них знания и опыт. Второе предписание касалось запрета для репатриантов работать на оборонных предприятиях и прочих охраняемых объектах [22, с. 203-204].

В. Менсинг приводит стандартные пункты допроса репатриантов из СССР: персональные данные (религия, расовая принадлежность, место жительства, отношение к военной службе, последнее место пребывания); вопросы о времени, предшествующему эмиграции в Советский Союз (автобиография, политические взгляды и политическая деятельность, профессия, место работы и др.), вопросы о пребывании в Советском Союзе, включающие в себя 23 пункта – об оборонных предприятиях, рентабельности экономики, о деятельности Коминтерна и т.д.), вопросы о времени после возвращения в Германию, иное [26, с. 154-170].

Однако протоколы допросов Винтера и Балтеса, проведенных в Люблине, предельно схематичны и кратки, в отличие от подобных протоколов граждан Германии, высланных с территории Прикамья в 1938 г. [См., например, 29].

Ф. Винтер в протоколе допроса сообщал, что никогда не участвовал в политике. Единственным его участием в общественной организации было членство в профсоюзе горняков СССР. Командиром полиции безопасности был задан вопрос об оборонной промышленности СССР, на что он ответил следующее: «О военных

делах и об оборонных предприятиях я не могу дать полезных сведений. При этом я хочу отметить следующее: в январе 1940 года я сидел в пересылочной тюрьме Свердловска. Это был конец января, когда транспортом привезли в тюрьму русских солдат, которые принимали участие в боях в Финляндии. Их было около 700 человек. Причиной доставки арестованных было членовредительство, уклонение от службы и бегство со знаменем. Говоря о членовредительстве, речь идет чаще всего о ранениях рук и ног» [30].

Интересовались у Винтера также мероприятиями германского посольства или консульства, дружескими связями в СССР, его доходами: «Мой заработок до ареста составлял 1000 рублей в месяц. Я был неженат и мог жить на этот доход. Самый высокий заработок русского горняка в день составлял 7 рублей 50 коп., из которого 15% надо было вносить государственный займ и налоги. 1 кг сливочного масла стоил от 18 до 24 рублей. Согласно этому русский рабочий за свой дневной заработок мог себе позволить примерно 300-400 граммов масла. Из этого следует сделать вывод, что рабочий в Советском Союзе с трудом перебивается на средства для покупки продуктов и не может думать ни о каких приобретениях. Поддержка женщин, мужа которых воевали в Финляндии, составляла ежемесячно на 4 детей 80 рублей». Далее следовали вопросы о вербовке в качестве агента СССР, а также вопросы о том, что было изъято при обыске: «При аресте у меня изъяли государственных облигаций 9600 рублей, 2800 рублей на сберкнижке, 800 рублей наличными, 1 золотые карманные часы, 1 золотые наручные часы, 2 фотоаппарата, 1 радиоприемник и одно охотничье ружье. Кроме этого, я не получил от шахты еще заработанные мною 1700 рублей. Мои бумаги, все без исключения, а также свидетельства, были у меня отняты и снова не возвращены». И последним ответом Винтера были планы на будущее в Германии: «Я намереваюсь после моего освобождения отправиться в Эссен, чтобы найти работу в шахте». К сожалению, дальнейшая судьба Винтера неизвестна.

Протокол допроса Ф. Балтеса еще более лаконичен [28]: не был, не состоял, не привлекался. Приведем лишь несколько выдержек из протокола допроса:

- О строительстве Коминтерна и его отделов я не могу дать никаких сведений;
- Политучебу а также курсы в Советском Союзе я не посещал;

– Во время моего пребывания в Советском Союзе никто не обращался ко мне с просьбой, чтобы я занимался шпионажем в Германии для Советского Союза;

– Я намереваюсь после моего освобождения отправиться в Реклингхаузен, чтобы найти себе работу на шахте.

– В мероприятиях германского посольства и консульства я не участвовал. Дружеских связей во время моего пребывания в Советском Союзе я ни с кем не поддерживал.

В июне 1940 г. Ф. Балтес был выпущен на свободу и устроился работать на одну из шахт Рурского угольного бассейна «Генераль Блюменталь I/II» – в г. Реклингхаузен, земля Северная Рейн-Вестфалия. В 1975 году он умер и был похоронен в г. Бохуме [27, с. 170].

Так или иначе, судьба подданных Германии, ставших «материалом» для показательного процесса, сложилась более благоприятно, чем у тех немцев, кто принял советское гражданство и подлежал расстрелу. Анализ базы данных репрессированных Прикамья

[База данных репрессированных Прикамья была подготовлена сотрудниками Пермского государственного архива новейшей истории (ПермГАНИ) совместно с международным обществом «Мемориал» на основе архивно-следственных дел, находящихся на хранении в ПермГАНИ] показал, что все арестованные – подданные Германии, в конечном счете, были высланы за пределы СССР.

Очевидный смысл открытого судебного процесса в г. Кизеле состоит в том, что он, являясь частью массовых операций, ее лицевой стороной, «картинкой», демонстрировал наличие «шпионских организаций, диверсантов, вредителей» для общественности. Вместе с тем, преследовались и более прагматичные цели его непосредственных организаторов – возможность быстро подняться по иерархической лестнице НКВД, занять более высокий пост. Использование широкого арсенала средств для подготовки и проведения процесса – от насилия и угроз до уговоров и подкупа – исключало возможность провала показательного процесса.

Библиография:

1. «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 316 с.
2. Выписка из протокола допроса обвиняемого Шахова 15 05 1940 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12837. Т. 1.
3. Колдушко А.А. Дело повстанческой контрреволюционной организации: проведение кулацкой операции в Коми-Пермяцком округе в 1930-х годах // Вестник Пермского университета. Серия: история. 2013. №1 (21). С.174-184.
4. Колдушко А. А., Лейбович О.Л. Партийные комитеты и территориальные отделы НКВД в эпоху большого террора // КПСС и номенклатура в советском обществе. Пермь: ПГТУ, 2007. С. 72-93.
5. Копия записки заключенного Винтер Ф.П. заключенному Рейзе П.Ф. 21 01 1938 // Личное дело № 53 на арестованного Бутырской тюрьмы ГУГБ НКВД Винтер Франц Павлович. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12837.
6. Личное дело № 53 на арестованного Бутырской тюрьмы ГУГБ НКВД Винтер Франц Павлович // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12837.
7. Личное дело на арестованного Бутырской тюрьмы ГУГБ НКВД Балтеса Фрица Фрицевича // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12837.
8. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. М.: МФД, 2004. 736 с.
9. Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937-1938 гг. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М. «Звенья», 1999. С. 35-74.
10. Павлова И.В. Показательные процессы в российской глубинке в 1937 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 98-103.
11. Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.
12. Политические репрессии в Прикамье. 1918-1980-е гг.: Сборник документов и материалов. Пермь: «Пушка», 2004. 558 с.
13. Потапов – Петровскому 23 05 1939 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12837. Т. 1.
14. Протокол допроса обвиняемого Ф.П. Винтера 16 09 1937, г. Калинин // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12837. Личное дело № 53 на арестованного Бутырской тюрьмы ГУГБ НКВД Винтера Франца Павловича.
15. Протокол допроса свидетеля Г.М. Портона 14 12 1939 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12837. Т. 1.
16. Протокол допроса свидетеля А.В. Рачева 10 01 1940 // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12837. Т. 1.
17. Шахтинский процесс 1928 г. Подготовка, проведение, итоги. В 2 кн. М.: РОССПЭН, 2010-2011. Кн. 1. 2010. 974 с.; Кн. 2. 2011. 1086 с.
18. Кислицын С.А. Шахтинское дело: Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов-на-Дону: Логос, 1993. 109 с.
19. Рапорт оперуполномоченного ЭКО Серовского ГО НКВД Головкина // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12837. Т. 1.
20. Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929-1941 гг. М.: Новый Хронограф, АИРО-XXI, 2008. 287 с.
21. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5. 1937-1939. Кн. 1. 1937. Москва: РОССПЭН, 2004. 645 с.

22. Тышлер К. Высылка немцев из Советского Союза в 30-е годы // Россия и Германия. Вып.2. М., 2001. С.198-213.
23. Фицпатрик Ш. Как мыши кота хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г. // Russian Review. 1993. Т. 52. Р. 299-320. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://you1917-91.narod.ru/fitzpatrick.html> Дата обращения: 08.08.2016.
24. Deutsche Bergarbeiter nach Rußland! // Essener Anzeiger. 17. Juli 1930.
25. Landau J.F. Wir bauen den großen Kuzbass! Bergarbeiteralltag im Stalinismus 1921-1941. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2012. 381 s.
26. Mensing W. Die Vernehmungsprotokolle der "Rußlanddrückkehrer" in Politischen Archiv des Auswärtigen Amts // Jahrbuch für Forschungen zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 2003/III. S.154-170.
27. Mensing W. Von der Ruhr in den Gulag: Opfer des Stalinschen Massenterrors aus dem Ruhrgebiet. Essen: Klartext – Verlag, 2001. 396 s.
28. PAAA. R 104551 B.
29. PAAA. P104557 A.
30. PAAA. R 104565 A.

References (transliterated):

1. «Vklucheniye v operatsiyu». Massovyy terror v Prikam'e v 1937-1938 gg. M.: ROSSPEN, 2009. 316 c.
2. Vypiska iz protokola doprosa obvinyayemogo Shakhova 15 05 1940 // PermGANI. F. 641/1. Op. 1. D. 12837. T. 1.
3. Koldushko A.A. Delo povstancheskoi kontrrevolyutsionnoi organizatsii: provedenie kulatskoi operatsii v Komi-Permyatskom okruge v 1930-kh godakh // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: istoriya. 2013. №1 (21). S.174-184.
4. Koldushko A. A., Leibovich O.L. Partiinye komitety i territorial'nye otdely NKVD v epokhu bol'shogo terrora // KPSS i nomenklatura v sovetskom obshchestve. Perm': PGU, 2007. С. 72-93.
5. Kopiya zapiski zaklyuchennogo Vinter F.P. zaklyuchennomu Reize P.F. 21 01 1938 // Lichnoe delo № 53 na arestovannogo Butyrskoi tyur'my GUGB NKVD Vinter Frants Pavlovich. PermGANI. F. 641/1. Op. 1. D. 12837.
6. Lichnoe delo № 53 na arestovannogo Butyrskoi tyur'my GUGB NKVD Vinter Frants Pavlovich // PermGANI. F. 641/1. Op. 1. D. 12837.
7. Lichnoe delo na arestovannogo Butyrskoi tyur'my GUGB NKVD Baltesa Fritsa Fritsevicha // PermGANI. F. 641/1. Op. 1. D. 12837.
8. Lubyanka. Stalin i Glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arkhiv Stalina. Dokumenty vysshikh organov partiinoi i gosudarstvennoi vlasti. 1937-1938. M.: MFD, 2004. 736 c.
9. Okhotin N., Roginskii A. Iz istorii «nemetskoi operatsii» NKVD 1937-1938 gg. // Repressii protiv rossiiskikh nemtsev. Nakazannyi narod. M. «Zven'ya», 1999. S. 35-74.
10. Pavlova I.V. Pokazatel'nye protsessy v rossiiskoi glubinke v 1937 g. // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 1998. № 2. S. 98-103.
11. Papkov S.A. Obyknovennyi terror. Politika stalinizma v Sibiri. M.: ROSSPEN, 2012. 440 c.
12. Politicheskie repressii v Prikam'e. 1918-1980-e gg.: Sbornik dokumentov i materialov. Perm': «Pushka», 2004. 558 c.
13. Potapov – Petrovskomu 23 05 1939 // PermGANI. F. 641/1. Op. 1. D. 12837. T. 1.
14. Protokol doprosa obvinyayemogo F.P. Vintera 16 09 1937, g. Kalinin // PermGANI. F. 641/1. Op. 1. D. 12837. Lichnoe delo № 53 na arestovannogo Butyrskoi tyur'my GUGB NKVD Vintera Frantsa Pavlovicha.
15. Protokol doprosa svidetelya G.M. Portona 14 12 1939 // PermGANI. F. 641/1. Op. 1. D. 12837. T. 1.
16. Protokol doprosa svidetelya A.V. Racheva 10 01 1940 // PermGANI. F. 641/1. Op. 1. D. 12837. T. 1.
17. Shakhtinskii protsess 1928 g. Podgotovka, provedenie, itogi. V 2 kn. M.: ROSSPEN, 2010-2011. Kn. 1. 2010. 974 c.; Kn. 2. 2011. 1086 c.
18. Kislytsyn S.A. Shakhtinskoe delo: Nachalo stalinskikh repressii protiv nauchno-tekhnicheskoi intelligentsii v SSSR. Rostov-na-Donu: Logos, 1993. 109 c.
19. Raport operupolnomochennogo EKO Serovskogo GO NKVD Golovkina // PermGANI. F. 641/1. Op. 1. D. 12837. T. 1.
20. Teplyakov A.G. Mashina terrora: OGPU-NKVD Sibiri v 1929-1941 gg. M.: Novyi Khronograf, AIRO-XXI, 2008. 287 c.
21. Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy. T. 5. 1937-1939. Kn. 1. 1937. Moskva: ROSSPEN, 2004. 645 c.
22. Tyshler K. Vysylka nemtsev iz Sovetskogo Soyuzu v 30-e gody // Rossiya i Germaniya. Vyp.2. М., 2001. S.198-213.
23. Fitzpatrick Sh. Kak myshi kota khoronili. Pokazatel'nye protsessy v sel'skikh raionakh SSSR v 1937 g. // Russian Review. 1993. Т. 52. Р. 299-320. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: URL: <http://you1917-91.narod.ru/fitzpatrick.html> Data obrashcheniya: 08.08.2016.
24. Deutsche Bergarbeiter nach Rußland! // Essener Anzeiger. 17. Juli 1930.
25. Landau J.F. Wir bauen den großen Kuzbass! Bergarbeiteralltag im Stalinismus 1921-1941. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2012. 381 s.
26. Mensing W. Die Vernehmungsprotokolle der "Rußlanddrückkehrer" in Politischen Archiv des Auswärtigen Amts // Jahrbuch für Forschungen zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 2003/III. S.154-170.
27. Mensing W. Von der Ruhr in den Gulag: Opfer des Stalinschen Massenterrors aus dem Ruhrgebiet. Essen: Klartext – Verlag, 2001. 396 s.
28. PAAA. R 104551 B.
29. PAAA. P104557 A.
30. PAAA. R 104565 A.